

Гульчера Быкова

Гульчера Вахобовна Быкова — доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естественных наук, профессор, директор научно-методического Центра лингвистики и межкультурной коммуникации Благовещенского государственного педагогического университета.

Она автор целого ряда научных работ по лингвистике, в том числе монографий, учебных пособий и словарей. Как языковед за научный вклад и всероссийскую известность внесена в международную, всероссийскую и две региональные энциклопедии. Её рассказы печатались в литературных альманахах «Амур» и «Приамурье» в 2004–2010 годах. В начале нынешнего года в издательстве «Зея» отдельной книгой вышел её роман в рассказах «Ника из созвездия Козерога».

Рассказы

Крёстная

Она жила через несколько дворов от их дома — моложавая женщина средних лет, ладная, слегка полноватая, пышногрудая, стремительная в движениях и походке. Русые волосы, собранные на затылке, обрамляли чистый высокий лоб, пушистыми завитками покрывали нежную полноватую шею. А как хороши, как бездонны были её зелёные глаза, полные губы и тёплые мягкие руки!

Он был совсем маленьким и не помнил, как его крестили. И потому ему казалось, что крёстная была всегда, как мама, как отец и братья, как бабушка, дворовый пёс Дезик, как колодец с ледяной водой, синее небо, ржаное поле за селом или как убегающая в хлеба просёлочная дорога. Мальчонка всегда ждал крёстную с нетерпением. И вовсе не потому, что она приносила сладкие гостинцы, книжку с картинками или забавную игрушку. Всякий раз она наклонялась к нему, подхватывая тёплыми руками, и усаживала на колени. Горячая волна накрывала его с головы до ног, а маленькое сердце, как котёнок, замирало и стремительно летело куда-то вниз. Голова слегка кружилась, и было так славно, так уютно сидеть на коленях у крёстной. От неё всегда, даже зимой, пахло свежими, только что с грядки, огурцами, и ещё фиалками, что в изобилии росли около дома. Днём их и не видать за другими цветами, зато ночью...

Она часто забирала его в чистый уютный дом, где жила после смерти мужа. Читала крестнику сказки, показывала фотографии в альбоме. Там она была ещё прелестнее, ещё загадочнее и притягательнее. Укладывая спать, крёстная обнимала малыша, целовала в лоб, щёки, шею, гладила по волосам. Нерастраченное материнское чувство (сын умер в младенчестве) нашло вы-

ход в крестнике, которого она любила самозабвенно, как могут любить бесхитростные деревенские женщины, для которых любовь, жалость и верность — всё едино.

Он хорошо помнит, что в первый класс провожала его она, крёстная. А вот была ли при этом мать — всякий раз, сколько ни напрягался, не мог вспомнить... Да и немудрено: кроме него, у матери было пятеро. Задавленная работой в колхозе да большой семьёй, она едва поспевала с делами — сколько белья приходилось перестирывать, шить, перешивать, штопать, латать, стряпать, варить, перемывать посуды, заготавливать впрок, управляться с коровой, овцами, домашней птицей. А у крёстной он был один-разъединственный — любимый и желанный.

Во все времена люди пытались выразить своё представление о счастье. К нему как-то сама собой пришла уверенность, что счастье — это когда тебя любят так просто и тепло, как любила его крёстная. А он любил её. И в этом таилась опасность: грань между духовным и телесным слишком тонка и может сыграть с человеком злую шутку.

...Первый раз он уехал так далеко от дома — в пионерский лагерь. Привыкший к деревенскому простору и тишине, мальчишка тяжело переживал разлуку с родными. Среди шумливых сверстников было ему одиноко и неприкаянно. Ночами снилось поле спеющей ржи, синее небо с облаками, как сливки под маминым сепаратором, светлеющая в сумерках дорога... И всё чудилось, что крёстная рядом: то и дело обдавало его знакомым теплом и тонким фиалковым запахом.

Она приехала на маленькую станцию задолго до прихода поезда, на котором крестник возвращался из лагеря. Тревожно вглядывалась в убегающие полоски рельсов. И вот вдалеке появился тепловоз, а за ним зелёные бока глазастых вагонов-замарашек. Он увидел её сразу — лихорадочно скользящую глазами по окнам поезда. А сам уже летел-бежал к ней, подхваченный тугой струёй упругого воздуха. Она, повернувшись и охнув, подхватила крестника на руки, накрыв родным теплом, огуречным ароматом, запахом домашнего хлеба... Он с разбегу прильнул к ней. И вдруг произошло то, что рано или поздно случается с каждым мужчиной, — стремительная волна пробежала по телу, сковав его такой пронзительно-сладкой истомой, что он на минуту потерял сознание. Она, простая душа, и не поняла, что произошло, испугавшись насмерть случившегося обморока.

Это было самое сильное и много раз желаемое позднее ощущение, которое он нежданно познал, мучительно и безуспешно пытался потом пережить, испытать нечто подобное... Это было как наваждение, как незатихающая телесная жажда, навязчивое и недостижимое желание...

Через три месяца крёстная заболела: сушила, перелопачивая, пшеницу на зерновом дворе, где сплошь и рядом сквозняки, простыла и слегла. А когда приснились покойные сыночек с мужем, что звали-манили её к себе, догадалась, что пришёл её последний час. Позвали председателя сельсовета, она с трудом продиктовала завещание — дом, скотину, все сбережения отписала крестнику. Просила исповедать и причастить, на что глава местной власти

руками развёл: попов давным-давно разогнали, найди их теперь. Она попросила у всех прощения, и у крестника тоже, будто чувствуя свою нечаянную вину перед ним... И закатилось его солнышко, не стало заступницы и молитвенницы на этой грешной земле, где все куда-то спешат и никому нет дела до ближнего своего.

В армии он тосковал о своей маленькой, затерявшейся в полях и перелесках деревеньке на берегу быстрой речки. Иной раз снились заливные луга, где сельчане косили сено, а в озёрцах под кочками прятались караси, которых пацаном выхватывал руками. Видел полевую дорогу среди жёлтой ржи. Малышом он не боялся убежать по ней за перепёлками. И тогда мелькали по обе стороны синие васильки и островки незабудок, как осколки неба в зелёной траве. Осенью полыхала багрянцем по берегам калина, ей вторила рябина у калитки. Любить и ценить эту неброскую красоту научила его крёстная, которая всегда любовалась цветущей или спелой калиной, сизой голубикой, алыми ягодами шиповника, янтарными ветками облепихи, чудными рябиновыми кистями.

Она любила туман над рекой, полевые цветы на лугах и алые зори. Бывало, опрокинутся с горы санки, набьёт он себе синяков да шишек, а крёстная водит безымянным пальцем по больному месту и шепчет: «Заря-зарница, красная девица, помогала людям, помоги и рабу божьему Владимиру!» — или: «Утренняя заря Мария, вечерняя заря Мавривьяновна, ночная заря Макаридушка, как вы потухаете-поблекаете, утренние, вечерние и полуночные, так пусть потухнут, поблёкнут с раба Божьего Владимира все укоры и призоры, хитки и притки, синяки и ушибы». И боль затихала, а синяки истаявали и исчезали.

А ещё она любила читать вслух Библию, пристрастила и его к слушанию вечной Книги: «Сладок свет, и приятно для глаз видеть солнце. Если человек проживёт и много лет, то пусть веселится он в продолжение всех их, и пусть помнит о днях тёмных, которых будет много: всё, что будет, суета! Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твоё радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих; только за всё это Бог приведёт тебя на суд. И удаляй печаль от сердца твоего, и уклоняй злое от тела твоего...»

В армии он тосковал о прежней жизни, в которой крёстная была ещё живой и красивой. Вопреки здравому смыслу, ждал от неё писем, мечтал, что она приедет к нему в часть повидаться. Когда наваждение становилось невыносимым, он вспоминал могильный холмик под берёзой, где схоронили её односельчане и куда он приходил посидеть, погрустить, излить душу.

О том, что она оберегает его, он знал, догадывался, но никому не говорил. Когда их вывезли на стрельбище, где в полевых условиях предстояло пройти курс молодого бойца, у солдат начались проблемы с желудком. Медицинской помощи у санинструктора — одна таблетка: и «от головы», и «от живота». Новобранцы быстро теряли мышечную массу, с трудом пересиливали слабость. И то ли во сне, то ли наяву, подошла к нему крёстная с травой-кровохлёбкой в руках, положила охапку к ногам и, повернувшись, растаяла в тумане, будто показала нужное снадобье.

Он очнулся и вспомнил, как перед Троицей они собирали с ней лечебные травы. Она рассказывала ему о валериане, о чабреце, что люди зовут богородичной травкой, о золотом корне, о подмареннике и кровохлёбке, об их целебных свойствах. Пересилив слабость, взял штыковую лопату, накопал кровохлёбки, вымыл корни в ручье и, улучив момент, положил в котёл с чаем. Вся рота пила душистый чай, ни о чём не догадываясь. В другой раз, подсушив подмаренник, снова сунул животворное снадобье в чайный котёл. Несколько кружек целебного напитка сотворили чудо: солдаты пошли на поправку, хворь как рукой сняло.

В армейских буднях прошёл первый год службы. Он привык к чужому месту, меньше скучал по дому, поправился, возмужал. Притупилась и боль утраты. Но не зря говорят, что любимый человек не бывает отсутствующим. Он не забывал крёстную. Перед сном, в полудрёме, всякий раз вспоминал что-нибудь из детства. Крёстная будто ждала, когда закончится хлопотный армейский день, они останутся наедине, и тогда приходила в воспоминаниях, согревая душу, принося покой и тихую благодать.

Однажды ночью, на посту, у него вдруг заныло-заболело в боку, а потом сковало такой острой болью, что трудно было не то что крикнуть и позвать на помощь — стало невозможно вдохнуть. Вокруг ни души — проверяющий только что прошёл дальше, к другому посту. А с ним остались ночь, небо, мороз, склады, заснеженные поле и лес. Это конец: до караульного помещения не добраться, подать сигнал другому часовому нет сил от боли. Превозмогая приступ, медленно, через силу, он сполз по жёсткому сугробу. Равнодушно и бесстрастно сияла над ним звёздная бездна. Отыскал глазами Млечный Путь, потом Большую Медведицу, Стожары. Нестерпимая резь в боку стала затихать, наступал болевой шок — страх сменился тупым безразличием. Он не удивился, что крёстная рядом, поправляет ушанку, поднимает его и легко, как в детстве, несёт куда-то. Он успокоился и закрыл глаза.

Очнулся в госпитале. Бок болит, но терпимо: удалили аппендикс. Удивление пришло позже: никто из сослуживцев, и проверяющий тоже, не могли объяснить, как он оказался в караульном помещении в ту ночь. «Да сам и приполз, инстинкт самосохранения сработал, а что запомнил, — так при такой боли и мать родную, как звали, забудешь», — успокаивали его солдаты. Но он хорошо помнил, что с наступлением приступа не мог вздохнуть или пошевелиться, не то что передвигаться. Кто спас его от неминуемой смерти?

Всё без исключения — хорошее или плохое — рано или поздно заканчивается. Приходили на память слова из Екклесиаста, которые крёстная перечитывала чаще других: «Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идёт ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своём, и возвращается ветер на круги свои. Всеми своё время, и время всякой вещи под небом. Время рождаться и время умирать; время насаждать и время вырывать посаженное; время плакать и время смеяться; время сетовать и время плясать; время обнимать и время уклоняться от объятий; время любить и время ненавидеть...»

Незаметно подошла к концу казарменная жизнь, где было не только плохое, но и хорошее — житейские проблемы в армии за него решали отцы-командиры, а солдат заботы о хлебе насущном обходили стороной: казарма спасала от «шоковой терапии», которой в то время подвергалась «гражданка». Личного состава в части в последние годы хронически не хватало, и его задержали почти на год сверх положенного по призыву.

Уезжал из одной деревни, а вернулся в другую: столь разительные перемены претерпела и его родная сторона, и вся матушка-Россия. Постаревший отец разводил руками: всегда так было — полмира скачет, полмира плачет; одни жалуются, что суп жидкий, а другие — что жемчуг мелкий. Кому-то перестройка пришлась по душе и по карману. Как опята на гнилом пне или шампиньоны на навозе, появлялись «новые русские», а простой люд, ловко и не раз ограбленный кем ни попадя, быстро нищал и опускался за черту бедности.

С первых дней на «гражданке» в голове, как заноза, звучал навязчивый мотив детской песенки: «Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко, не будь ко мне жестоко, жестоко не будь»... Деревня словно вымерла, обветшала и враз состарилась: одни старушки на улицах попадаются. Зерновой двор обветшал, на техплощадке — разбитые комбайны, жатки и допотопные косилки. Ремонтные мастерские, свиноферму и даже клуб сами же сельчане растащили на свои нужды.

— Из одноклассников только Людка Казначеева, Генка Иванов да ещё Софка Кымгалова остались, — угадывала вопросы сына подвижная смышлёная мать.

— А про Витьку забыла? Лесничий он и штатный охотник, — вставил слово молчаливый отец.

— Ну да, и Витька здесь, забыла совсем. Людка завстоловой работает, а Генка в леспромхозе сосны валит, поженились они. Софья на учительницу начальных классов выучилась, — говорила мать, подкладывая то сыну, то мужу прямо со сковородки заварные блины, что приятно таяли во рту. Отец изредка наливал в лафитники самогонку и похрустывал рыжиками да огурчиками из студёного погреба. Молчал, хмурился каким-то своим мыслям, вздыхал...

— Маринка Корнеева на рыбнадзора выучилась, в начальниках теперь ходит. Да только не бабье это дело — за мужиками-то по ночам шастать, неровен час подстрелят, а то и утопят. Вспомни Умрихина-старшего, а Воропаева... Скольких на тот свет отправили? Есть-то всем надо, вот и браконьерничает каждый второй. И себе на всю зиму провиант, и на продажу приезжим. Почитай, вся деревня без работы. Помнишь Виталия Степаныча? Царствие ему небесное: умер от водки. Маринка тоже в рюмку заглядывает для сугреву: помыкайся-ка по реке туда-сюда. Да и в личной жизни девке не везёт. Одноклассник-то ваш, Юрка Игнатов, садист чёртов, бил её нещадно. Намотает косу на руку и тягает её, пьяную, по двору, а то в канаву за ворота выбросит.

Боже праведный! — молча ужасался он. Неужели это по ней вздыхал он в восьмом классе? Тогда она отвергла его, увлеклась приехавшим студентом-практикантом, а потом, что называется, девку понесло...

Пока блин зарумянивался с одного боку, мать умудрялась нырнуть в кладовку или в погребок, поднося к столу то летней кетинки особого, сёмужьего посола, то мочёной клюквы, то солёной черемши, подкладывала в тарелки дымящуюся толчёнку, какой нигде он больше не едал: картошка вперемешку с красной толчёной рыбой, щедро приправленная салом и луком.

...Да-а, в деревне оставаться — себе дороже. Надо в город подаваться, там хоть работу найти можно. Предприимчивая мать нашёптывала: дом-то крёстной ещё прошлый год продали, а скотину и того раньше. Вырученные деньги и её сбережения на твоё имя перевели. Проценты, поди, набежали за три года-то? Может, комнату в коммуналке купишь? Главное — была бы прописка. Её получить не проблема, когда жильё своё есть.

На дебаркадер Владимира провожал отец: мать осталась дома — боялась расплакаться прилюдно, а братья — кто на покосе, кто в отъезде.

Махнул в большой город к сослуживцу. Уж больно тот соблазнительно, больше от тоски по дому, описывал родные места: от Москвы — всего-то ночь езды на поезде, а солнце — ну прямо тебе Сочи. И сады кругом. Спишь, а спелые абрикосы по крыше — стук, стук... А уж сладкие, душистые — чисто мёд, во рту тают. Яблоки нападают за ночь — не знаешь куда ступить.

Крёстных денег хватило и на первое время, пока переучивался на категорию (в армии шоферил), и на домик с садом; кое-что из одежды прикупил. И после смерти она поддерживала и оберегала крестника.

Устроился в автоколонну, стал дальнобойщиком, хорошие заработки пошли. Долго холостяковал, перебирал женщин — одна другой лучше, а всё не то, ни к душе, ни к телу. Примечал, что нравились, возбуждали женщины старше его и хоть чем-то, хоть отдалённо, лицом ли, фигурой, походкой ли, а то просто жестом напоминавшие крёстную.

Приезжали отец с матерью, дивились, что до сих пор ни жены, ни детей, а всё при нём: и ростом Бог не обидел, и с лица хоть воду пей, и дом с садом — не надо лучше. Он разводил руками, отшучивался: невеста не выросла, дурное дело нехитрое, какие его годы... А они пролетали, проносились, как леса и поля, как манящие огни чужих городов за окном его трудяги-автомобиля.

Женился неожиданно для себя и друзей, с бухты-барухты, не по любви и не по расчёту. Ехал по трассе, ещё издали увидел одинокую фигурку, и что-то вдруг ёкнуло, защемило в груди. Вспомнился перрон на маленьком полустанке, и такой же силуэт в ожидании и тревоге, и он бегущий... Попутчица в самом деле чем-то напоминала крёстную на фотографиях из альбома. И шалая надежда закралась в душу — а вдруг судьба? Может, эта девчонка и возродит к жизни, зажжёт в крови и утолит желание, что вспыхнуло и опалило в далёком отрочестве.

Не зажгла. Не утолила... Лишь распалила подспудно дремлющие грёзы молодого горячего тела. Обманутая надежда злила, раздражала сильнее прежнего, маетно скорбела душа. Родился сын. Казалось, появился смысл, ради чего стоило наматывать километры по нелёгким российским дорогам. Часто замечал, что после дальнего рейса домой не тянуло: неловко было видеть глаза любимой, кроткой, услужливой жены, не рад был и сыну.

А тут ещё взяли моду задерживать зарплату. Но в тот день получили-таки сполна. Автоколонна выполняла правительственный заказ на перевозку кабеля, так что новенькие хрустящие пачки пришлось расталкивать по всем карманам. Зашли по такому случаю в кафе, с наслаждением пили охлаждённое пиво, лениво перебрасывались фразами. Все спешили домой — обрадовать родных и близких долгожданной зарплатой. А ему никуда не хотелось. Он заказал ещё кружку и привычно ощутил сладковатый привкус пены. Лёгкий хмель дурманил голову, путал мысли, успокаивал, вводил в лёгкий транс...

Но сиди не сиди, а идти надо... Он привычно вошёл в трамвай и устроился на жёсткой скамейке, вытянув ноги, и совсем было задремал — ехать через весь город. Вдруг его внимание привлекла-приковала вошедшая на остановке женщина лет сорока пяти. Какая-то неведомая сила взорвалась у него внутри, встрепенулась дремавшая душа, дурманяще закружило голову.

Он зачарованно смотрел на вошедшую, разительно похожую на крёстную. Незнакомка шла по проходу — мягкая, женственная, пушистая, притягивая светлым лицом, глубокой зеленью глаз, свежестью полных губ, каким-то внутренним покоем и умиротворением. Вместе с ней накатывалась упругая, тёплая волна, которая и накрыла его с головой, как только женщина села на свободное место сзади. Наваждение усилилось, когда он вдруг ощутил неповторимый запах ночной фиалки и свежих огурцов, тонкий аромат майских лугов...

Трамвай тронулся. Алексей пытался прийти в себя, лихорадочно соображая, что предпринять, как поступить, чтобы продлить это нежданное очарование. На следующей остановке, лишь освободилось место, он как в бреду пересел рядом с ней. Им владело непреодолимое желание коснуться её руки. Из приличия выждал несколько секунд, сдерживая безумный порыв. Словно угадав его намерения, она отодвинулась ближе к окну и напряглась. Это испугало. «Она сейчас уйдёт, исчезнет...» Допотопный трамвай, всегда медлительный, теперь нёсся, как молодой необъезженный конь, безжалостно и неудержимо сокращая дарованные мгновения.

Через несколько остановок женщина встала. Он пропустил её, не смея задерживать. Она уходила. Вместе с ней исчезало сладкое предвкушение желанного и недостижимого наслаждения. Он с ужасом смотрел вслед. Трамвай вот-вот тронется... Он опрометью кинулся к выходу, проталкиваясь в толпе возмущённых пассажиров. На ходу выскочил на раскалённую от солнца при вокзальную площадь. Мгновенно отыскав глазами её желтое, в крупных подсолнухах платье, стремительно догнал и тронул за локоть. Обернувшись и узнав его, женщина испугалась:

— Что вам надо? Оставьте меня в покое!

Её милые щеки заалели румянцем, а глаза запылали зеленью, став ещё притягательнее. Он опять провалился в её магическое облако и стал беспомощно тонуть в нём.

— Не уходите, выслушайте меня, прошу вас!

В его глазах было столько мольбы и безнадёжности, что женщина невольно приостановилась:

— Хорошо, я слушаю вас.

— Прямо здесь?

— А где ж ещё?

Многолюдная площадь невольно успокаивала: здесь этот маньяк не посмеет её обидеть. Вот и торговцев сколько вокруг, водителей такси, а вон и милиционер. Угадав её мысли, он взмолился:

— Я не маньяк, не преступник, я... Я сейчас всё объясню, вы только выслушайте... Может, мы всё-таки отойдём в сторонку?

— Хорошо, давайте отойдём, — согласилась она и направилась к торговым палаткам на краю площади. Он покорно последовал за ней. Но и здесь было слишком много прохожих, бесцеремонно разглядывавших испуганную женщину и растерянного, взволнованного парня. Он понял, что в такой суете ничего не сможет объяснить, она испугается и уйдёт или позовёт на помощь. Напряжение было так велико, что он неожиданно заплакал — тихо, горько и безысходно. Она растерялась.

— Ну что вы, такой большой, такой сильный... — и прикоснулась к его плечу. — Успокойтесь, мне некуда торопиться: я здесь в командировке. И выслушаю вас.

Ободрённый тёплыми словами, он отчаянно предложил:

— Давайте поужинаем в ближайшем ресторанчике, только не в вокзальном, конечно. Посидим спокойно, поговорим. Там ведь тоже люди, в любую минуту вы можете обратиться к ним за помощью. Верно?

«В самом деле, что я теряю? Поужинаю, ведь целый день на бутербродах. До ночи ещё далеко, кругом люди, мне ничто не угрожает», — рассудила она.

— Хорошо. Я согласна.

Он кинулся к цветочнице, выхватил у неё из ведра все розы и, отмахиваясь от сдачи, бросился назад, боясь, что незнакомка воспользуется моментом и растворится в толпе. Торговки цветами наперебой предлагали алые, жёлтые, бордовые, белые розы. Он, не отрывая от неё глаз, загребал руками всё, что они подавали, и складывал к её ногам, потому что в руках у неё уже был огромный белый букет.

— Не уходи, побудь со мной! — как безумный шептал он, любуясь ею. Любопытные беззастенчиво комментировали:

— Посмотри, посмотри, она ж старше его... И ростом невеличка...

— И что он в ней нашёл?...

— А сам-то какой красавец! Мне б такого...

— Тоже мне парочка — гусь да гагарочка, — произнёс кто-то совсем рядом с издёвкой.

Ситуация становилась более чем щепетильной.

— Возьмите такси, поедem отсюда, — попросил он. — Выберите водителя сама, а то подумаете, что я всё заранее разыграл.

«Он угадывает мои мысли», — отметила она и помахала рукой:

— Эй, такси, такси!..

Пожилой водитель, наблюдавший за ними, откликнулся на просьбу. Расторопно укладывал рядом с ней на сиденье роскошные охапки роз, понимающе глядел на парня: мол, были когда-то и мы рысаками...

— Давай, дед, в самый лучший ресторан недалеко отсюда. И побыстрей. Каждая минута дорога. Гони...

Услужливые официанты быстро расставили вазы с цветами возле столика. Принесли фрукты, меню. И оркестр был тут же, готовый исполнить любое желание.

— Что ты хочешь послушать?

— Если можно, Вивальди.

Тихо заиграла музыка, тонко и печально солировала скрипка. А он, трепетно держа её тёплые мягкие руки и осыпая их нежными поцелуями, стал рассказывать то, что уже известно читателю.

— Остайся со мной, — жарко шептал он. — Я куплю тебе квартиру, окружу роскошью, ты ни в чём не будешь нуждаться. Я исполню любое твоё желание. Мне не важно, кто ты, кем ты работаешь, сколько тебе лет... Важно, что ты есть, что существуешь реально, а не в моём воображении. Господи, а я уж начал думать, что схожу с ума, пропадаю, не живу, а маюсь. Что сделать, чтобы ты поверила? Вот, возьми, что у меня есть.

Он начал лихорадочно вынимать содержимое карманов и перекладывать ей в сумку.

— Не нужны мне ваши деньги. Я не могу принять их! Не могу, понимаете, остаться с вами!

Она тщетно пыталась что-то объяснить ему, развеять его напрасные надежды.

— Бери, не сомневайся. У меня ещё есть. Я заработаю. Я буду день и ночь работать. У тебя будет всё... Эх, через два дня я должен быть в рейсе, — вспомнил он вдруг. — Машину почти загрузили. Я не могу подвести всех, понимаешь? Послушай, а может, ты поедешь со мной? Посмотришь города — до Москвы и дальше, до Питера. Через семь дней — туда и обратно — мы будем на месте. А? В машине есть всё — холодильник, продукты, газовая плитка, место для отдыха. Не поедешь? Не поедешь... Сюда-то боялась идти, а в дальнюю дорогу разве решишься? Возьми, возьми, вот ещё осталось, — доставал он хрустящие пачки из карманов. — Возьми и мою душу, и мою жизнь, только не уходи, не исчезай, побудь со мной... Я буду ждать тебя на площади, около театра, завтра или через семь дней, как вернусь из рейса, — говорил он лихорадочно, — а сам тонул и тонул в тёмной зелени её глаз.

Смеркалось. Она не позволила провожать себя до дома, где жила у родственников. Он послушно согласился, надеясь на скорую встречу. На обочине стояли другие торговки цветами. Он купил у них все розы и уложил на заднее сиденье. Машина тронулась, а он всё стоял и смотрел вслед своему обрётённому и вновь исчезающему счастью.

Она остановила такси за квартал до дома. Взяла с сиденья одну розу. И ушла не оглядываясь. На завтра у неё был билет в Домодедово, а оттуда — на самолёт через всю страну. Туда, где раньше всех восходит солнце и в полнеба горит-полыхает алая заря.

Васька-афганец

Уж чего-чего, но такого Алевтина Ивановна и в страшном сне не ожидала от своей единственной дочери — тихони и недотроги. Не зря говорят люди: «Тихая вода плотины ломит. В тихом болоте черти водятся». Ох, не зря...

Женя росла замкнутой, одинокой, недружелюбной не только к своим сверстникам, но и к родителям. У неё не было ни подруг, ни друзей-мальчишек. Дворовые ребяташки, привыкшие, что девочка никогда не играла с ними, просто перестали её замечать, как дети не замечают, не присматриваются к взрослым.

Угрюмую некрасивую Женю сторонились и одноклассники. Она жила как в башне из слоновой кости, словно была одна на всем белом свете. Но одиночество её не тяготило: напротив, одной было легче, проще, спокойнее, чем в шумной ватаге сверстников. В школу ходила потому, что так было надо, так сказала мама. Особенно тягостны были шумные перемены. После звонка она обычно оставалась за своей партой, а если и выходила из класса в беснующийся от десятиминутной свободы коридор, то обычно стояла у крайнего окна, в небольшом тупике, где было не таклюдно и шумно и где уютился в своём кабинете-подсобке школьный завхоз Василий Иванович, которого за глаза звали Васькой-афганцем.

Никто не знал ничего толком об этом немолодом, замкнутом, приехавшем из чужих мест человеке. Среднего роста, умеренно смуглый, черноволосый и черноглазый, он умел быть незаметным. «Ну, вероятно, служил в горячей точке, раз афганцем кличут. Говорят, был контужен. То ли молдаванин, то ли цыган, а, может, метис какой — кто его разберёт. Живёт бобылём. Нормальный мужик, только странный — не пьёт, не курит, даже не матерится» — примерно так сказал бы о нём каждый, кто хоть немного знал или просто встречал этого неприметного, как тень, человека. Директора школы молчаливый завхоз устраивал: дисциплинированный, исполнительный, неболтливый, ненавязчивый, непьющий. Куда лучше?

Тихий завхоз второй год пристально, тайно, терпеливо и осторожно наблюдал за нелюдистой, как и сам в детстве, девочкой, следил исподтишка, подобно хищнику, который выслеживает жертву. Взрослея, она нравилась ему всё больше, будоражила, реанимировала потаённые детские воспоминания. Вот так же и он сторонился сверстников, которые его, болезненного худенького мальчишку, откровенно не любили, притесняли и, бывало, колотили, потому что он всегда был один, без друзей, и за него некому было заступиться. Генетически предопределённый конформизм большинства, как правило, одиночек отвергает, они всегда настаивают: почему не такой, как все, как белая ворона?

Вечерами и одинокими, не согретыми женским теплом ночами (беспорядочные связи не в счёт) он думал, как, не вспугнув, привлечь, завоевать внимание недотроги, приручить девчонку к себе, завладеть её душой и телом. Несколько раз пытался заговорить с ней на улице, но всякий раз она

испуганно, ни слова не говоря в ответ, убежала. Нет, так ничего не получится. Но тогда как? Как?

Помог случай. Он заметил, что у него появился «соперник» — рыжеволосый нахальный восьмиклассник. Тот долго не раздумывал, а действовал: на переменах начал настойчиво и нагло приставать к тихоне из параллельного класса. Она дала ему по рукам, он — ей, она — ещё раз... Вышедший на шум Василий Иванович бросился разнимать драчунов. Сгоряча он охладил обидчика крепким тумаком. И поделом: из носа у девочки тонкой струйкой сочилась кровь. Надо было что-то делать.

Зажав рукой нос, не сопротивляясь, она послушно следовала за ним. Приговаривая ласковые, утешительные слова, он, слегка запрокинув девочке голову, уложил её на кушетку в кабинете. Смочил холодной водой носовой платок и приложил к переносице. Кровотечение было незначительным и быстро прекратилось, но Женя не могла терпеть ни вида, ни запаха крови и потому сильно, до полуобморочного состояния перепугалась, её воля и самоконтроль над собой, присущие ей замкнутость и застенчивость на некоторое время оказались парализованными, чем и воспользовался взрослый негодяй.

— Ой, смотри, кровь на платье, вот ещё пятно, и ещё... — преувеличивал он. — Как ты пойдёшь домой? Что скажут соседи, родители?

— Не знаю, — девочка растерялась и испугалась.

— Вот что, — предложил он, придавая голосу больше сердечности и заботы, — я отвернусь, а ты сними платье, я застираю пятна, подсушим его, и никто ничего не заметит. Верно?

На этот раз она доверчиво и благодарно улыбнулась своему спасителю. Когда он вернулся с платьем, девочка спала, сломленная пережитым волнением. Он сел рядом и не спеша, цинично, хищно, откровенно рассматривал её в упор с ног до головы. Открытое девственное тело, которое он много раз мысленно представлял себе, было перед ним не в искажённо-ментальном, а в своём натуральном естестве. Как зверь, он наклонился и жадно обнюхал ещё не совсем развитую грудь, живот, гениталии. Сдерживая нервную дрожь, он сквозь кружево бюстгалтера начал нежно поглаживать её притягательно-упругую, девственную грудь, интуитивно уверенный в том, что юное создание, скованное новизной ощущения, проснувшись, не откроет глаза, постыдится, сделает вид, что продолжает спать. Главное, дать ей почувствовать, хоть немного приучить к запретным доселе, недоступным, неведомым ласкам, запустить свёрнутый в тайниках юного подсознания генетический механизм, который впредь станет определять её сексуальное поведение, от природы обусловленное телесными инстинктами и потребностями, сильнее которых нет ничего в мире животных и человека.

Поглаживая ей бёдра, он пристально наблюдал за лицом девочки. Вот и щёки покрылись румянцем, веки подрагивают, приоткрыты алые, как бутон, губы: ей приятно и неловко, она не посмеет открыть глаза. Всё было так, как он предполагал. Он стал ещё смелее в своем стремлении пробудить дремавшие желания юной недотроги. От неожиданности она затаила дыхание. Непроизвольная дрожь внезапной волной прошла по разбуженному телу... Он тут же

прервал запретные ласки, решив, что для начала достаточно. Надо, чтобы она теперь сама хотела их продолжения. Теперь она будет хотеть этого, будет искать повода, чтобы снова попасть ему руки.

Он быстро встал, положив на видное место подсохшее платье и портфель, который предусмотрительно захватил из класса сразу после драки, и вышел из тесного кабинета, снова закрыв дверь на ключ. Вернувшись минут через двадцать, как и следовало ожидать, застал Женю одетой. Она сидела на стуле, не смея поднять на него глаза. Быстро попрощавшись и в смущении забыв поблагодарить своего спасителя, она выскользнула за дверь. А он хищно, возбуждённо потирал руки: всё складывалось даже лучше, чем он предполагал. Честно говоря, на столь крупный успех он и не рассчитывал. Как поступить дальше?

Из обширного поэтического наследия великого русского поэта он с трудом выучил когда-то наизусть несколько строк: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей и тем её вернее губим средь обольстительных сетей». Что ни говори, а Пушкин был дока по части обольщения. Надо так и сделать — для начала уехать на несколько дней к приятелю в деревню, а вернувшись, намеренно не обращать на девчонку внимания, не замечать её. Посмотрим, надолго ли её хватит. Решил — сделал.

Первое, что он увидел, придя к концу недели в школу, — измученное напрасными ожиданиями, осунувшееся лицо совращённой недотроги. Было очевидно — она ждала, она хотела его запретных прикосновений, это желание овладело ею, стало доминирующим. Гормонная буря в проснувшемся юном теле, коварно спровоцированная опытным обольстителем, требовала выхода, не давала покоя, рвалась, как джинн, наружу.

Он несколько раз демонстративно проходил мимо неё намеренно близко, как мимо пустого места. Ничего не понимающая, растерянная, уничтоженная, она едва сдерживала слёзы, а когда вышла из школы, тихо заплакала, никого не замечая вокруг. А он, как паук, заманивший её в свои сети, уже поджидал за углом первого от школы дома.

— Что с тобой, Женя, — притворно тревожно и ласково спросил он девушку, — опять рыжий наглец обидел?

Приобнял её за вздрагивающие плечи. Она не отстранилась, не убежала, как раньше.

— Возьми шоколадку. Правда, у меня с собой только вот эта, маленькая, — протянул он приготовленное лакомство. — Знать бы, что тебя встречу, побольше бы захватил. Надо же, на столе осталась. Давай зайдём на минутку, тут недалеко. Мы быстро.

Оглядываясь, он мягко, но настойчиво увлёк не сопротивляющуюся, явно приговорённую жертву в свою холостяцкую квартиру...

Прошло полтора года. Учившаяся на четвёрки и пятёрки Женя быстро скатилась на тройки и двойки: дурное дело не хитрое. Лгала в школе, обманывала дома, часто пропускала уроки. Единственным желанием было незаметно пробраться в квартиру своего обольстителя, буквально нашпигованную порножурналами и кассетами. Здесь её ждали многочасовые интимные эксперименты

безудержного в своих фантазиях сексуального извращения. Домой приходила поздно, усталая, измотанная и, не говоря ни слова, не отвечая на встревоженные вопросы матери, едва раздевшись, валилась в постель. Портфель не открывала по нескольку дней.

Сколько верёвочке ни виться, а конца не миновать, ибо сказано: нет ничего тайного, которое не стало бы явным. Как ни остерегался совратитель, девушка забеременела. Однажды проснулась утром от такой тошноты, что едва успела выскочить на улицу, схватив для отвода глаз мусорное ведро. И там, возле нечистот, её вырвало несколько раз кряду.

Конечно, можно было сделать аборт. Но ему не хотелось губить ребёнка — плод его поздней, вероятно, последней привязанности. Хотелось сына. Он даже был уверен, что родится мальчик. Там, в Молдавии, у него были две дочери, обе старше Жени. Что делать? Что предпринять, чтобы и овцы были целы, и он, секс-волк, сыт? И придумал-таки. Прирученная девушка, не таясь, доверчиво рассказывала, что дом у них — полная чаша: крутой джип, шикарная четырёхкомнатная квартира в дорогих коврах и новомодных испанских гарнитурах, дача в двух уровнях с рубленой из лиственницы сауной и бассейном. Отец занимается сомнительным, но прибыльным бизнесом, хотя в последние годы явно спивается. И, как следует ожидать в таких случаях, — сексуально озабоченная мама (о последней он, разумеется, догадался сам).

— Вот её-то и надо перетянуть на свою сторону, — в какой уже раз говорил он Жене, которая упрямо отвергала его подлую задумку. Ещё ничего не произошло, а она уже яростно ревновала его к будущей возможной сопернице — своей маме, которую хитромудрый совратитель задумал соблазнить и женить на себе. И тогда-де они дружно заживут втроём, разумеется, без папы, в их четырёхкомнатной квартире — он, Женя и мама, которая сквозь пальцы посмотрит и на беременность дочери, и на её симпатию к новому «папе». Уж он об этом позаботится.

— И мы сможем по-прежнему общаться с тобой, сколько нам захочется. Конечно, когда мамы не будет дома, — успокаивал он девушку. — Но другого выхода я не вижу, — раздражался он на слёзы Жени. — Не вижу, понимаешь?! Если ты такая умная, предложи свой вариант! Хочешь, чтобы мать выгнала тебя с пузом? А оно скоро на нос полезет, тогда уже будет поздно, — не церемонился он в выражениях.

Времени на долгие раздумья не оставалось. И под натиском его настойчивых доводов девушка согласилась. Ну а всё остальное — дело техники, ловкость рук и никакого мошенничества. Давно известно — женщины любят ушами. Наш Казанова несколько дней кряду покараулил возвращавшуюся с работы Алевтину Ивановну, наговорил ей кучу избитых комплиментов, наплёл с три короба о неотразимом обаянии и, сделав влюблённые глаза, поклялся в вечной любви и верности. И тайную холостяцкую квартиру мать и дочь стали посещать по очереди, рискуя столкнуться на лестнице нос к носу.

А ещё через какое-то время ловкий обольститель переехал в просторную квартиру престижной пятиэтажки в самом центре города на правах полноправного хозяина. Влюблённая Алевтина Ивановна развелась с мужем, прихватив

его джип и дачу, и скоротечно оформила второй брак. Бывший бизнесмен, мягкий, незлобивый и бесхарактерный, к тому же всегда пребывавший под сильным влиянием Бахуса, ни на что не претендовал и ретировался в неизвестном направлении. Правда, неглупая Алевтина Ивановна очень скоро сообразила, что дочь и её новоиспечённый отчим состоят в интимных отношениях, и потому решила, что если родится ребёнок (а это их общее чадо, не сомневалась она), то ей, теперь законной жене, нечего будет делать в собственном доме. Она уже и сейчас, похоже, здесь третья лишняя. Любящая мать использовала всё влияние на дочь, уговорила, убедила, поднажала и на несколько дней увезла её в соседний город, где их никто не знал. За деньги, как известно, можно и приобрести всё, и избавиться от всего, даже если это собственный внук или внучка.

Вечером за семейным ужином по христианскому обычаю помянули безвинно загубленную душу, насильственно отошедшую в мир иной, и разошлись по своим комнатам: молодожёны-супруги — в свою спальню, а сломленная, подавленная Женя — в свою.

Так у них и повелось. Ранним утром, ещё затемно, Алевтина Ивановна отправлялась в больницу, где она много лет работала поваром (за ней приезжала машина скорой помощи), а её новый супруг проводил всё утро в жаркой постели своей падчерицы. Потом они вместе уходили или уезжали на джипе в школу: он — на работу, она — в опостылевший класс. А после уроков закрывались в его кабинете или шли на пустовавшую холостяцкую квартиру, либо ехали на дачу, где спокойно проводили время до самого вечера. Потом он отправлялся встречать «любимую» жену, а Женя, как ни в чем не бывало, садилась делать уроки.

И зажило бы наше влюблённое трио душа в душу, если бы не старенькая, предприимчивая и решительная баба Люба — свекровь Алевтины Ивановны и Женина бабушка. Она жила вместе с сыном, невесткой и любимой внучкой, в которой души не чаяла. С пелёнок вынянчила ненаглядную свою кроху, и теперь, когда с той приключилась беда, неглупая и деятельная баба Люба прямо-таки не находила себе места, думая, как помочь отвергнутому сыну и обманутой внучке.

Своими переживаниями она активно делилась с соседями. Обычно утро начиналось с того, что к кому-либо из соседей прибегала перепуганная насмерть баба Люба и начинала рассказывать, что Васька опять в спальне у Жени и что он, злодей, скоро совсем изведёт девчонку, которая после больницы ещё не оправилась, болеет.

— Ну ничего, скоро её мучения закончатся, вернётся сын, а я навсегда уеду к дочке в Иркутск. Она давно меня зовёт.

— А как же Васька? — недоумевали соседи, в подробностях посвящённые во все перипетии несчастного семейства.

— А Васька умрёт, — уверенно говорила баба Люба. — Я его приговорила — заговор смертный читаю по его душу.

— Господи, грех-то какой....

— Да, грех, и на том свете гореть мне в аду. Кто заступится за внучку и сына, если не я? Кто отомстит за безвинно убиенного правнука? На страшном

суде все Господу расскажу. Он человеколюбец и не без головы — поймёт меня и простит. Может, спасибо скажет.

Никто, конечно, не верил бабе Любе, и все жалели несчастную старушку, которая, наверно, тронулась с горя умом. Да и не мудрено: кто ж такое выдержит?

Но упорная баба Люба трудилась с маниакальной решимостью. Сшила из тряпок куклу, чем-то действительно похожую на Ваську-афганца. В голову, сердце, печень и другие важные органы воображаемого ненавистника воткнула двенадцать новеньких игл, прочитав на них за полночь четверга заклинание, переданное ей когда-то умирающей прабабушкой: «Матушка-Мать, пресвятая Богородица Тихвинская, упокой душу усопшего раба Божьего Василия... В суставы и полусуставы, во весь стан костяной, в корень жилиной, разверни ступнями назад, поверни с правой стороны на левую, с левой стороны на поперечную, не как мать родила, не как церковь крестила, не с конца в ушко, из ушка в кольцо, из кольца на конец иглы, тело выверни, сердце вымотай. Сталь крепка, игла остра, смерть быстра. Как крошится кусок хлеба, так обидчик искрошится на куски и крошки, разольётся на капли. Капли высохнут, сухота придёт, смерть заберёт. Аминь».

Хотите верьте, хотите нет, то ли от бабкиных заговоров, то ли от чрезмерных перегрузок (двух женщин одновременно обласкать-ублажить тоже не каждому под силу!), только наш донжуан стал заметно хиреть: перестал следить за собой, похудел, ослабел. И куда только молодецкий вид делся? Волосы потускнели, свалялись, небритые щёки впали, потухли глаза, понуро опустились исхудавшие плечи, хотя под бдительным присмотром жены — шеф-повара — питался он отменно. Все женщины в девятиэтажке, пристально и с некоторой долей зависти следившие за Васькой-афганцем и его возлюбленными, терялись в догадках, одна страшнее другой.

Сынишка их соседки по лестничной клетке однажды как бы между прочим сказал своей матери:

— Знаешь, ма, а дядь Вася-афганец скоро умрёт.

— Почему ты так решил?

— А я с ним сегодня в лифте ехал. Он такой чёрный, страшный... Руки трясутся, и дышит вот так...

И маленький прорицатель показал, как тяжело, хрипло дышит несчастный сосед (ну как тут не вспомнишь библейское: устами младенца глаголет истина).

— А ты что, мам, не знаешь, у него же силы кончились — он с рулём справиться не может. Женька сама джип водит, а он рядом сидит. Тили-тили тесто, жених и невеста...

А ещё через несколько дней весь дом потрясла тревожная новость — Ваську-афганца положили в тубдиспансер. Приезжали оттуда врачи. Продезинфицировали их подъезд и квартиру бывшего коммерсанта. Предложили всем, кто был в контакте с больным, сделать прививки от туберкулёза.

Несчастливая, перепуганная Алевтина Ивановна прятала от соседей глаза, Женя заперлась в своей комнате и целыми днями не выходила оттуда, зато баба Люба, торжествуя и крестясь, на всякий случай, говорила всем:

— Врачи не помогут, заберёт его смертушка в назначенный час... Есть Бог или нет его, никто не знает. Бога, может быть, и нет, но возмездие есть!

Хоронили Ваську-афганца из ритуального зала при морге. За гробом шли Женя, её подавленная мама и баба Люба, бывший директор школы и несколько школьных уборщиц.

Говорят, когда оформляли свидетельство о смерти, запросили данные в информационном центре УВД области. И только тогда потрясённые Женя и Алевтина Ивановна узнали, что никакой он не участник войны в Афганистане, что все его воспоминания о боевых действиях и погибших товарищах — чистой воды враньё. За смуглый цвет лица прозвище «афганец» оборотень получил в тюрьме строгого режима, где отсидел десять лет за соращение малолетней падчерицы своей второй, а может, и третьей или четвёртой жены. Господь его знает.

Не зря говорят — всё рано или поздно возвращается на круги своя. Муж Алевтины Ивановны, закодировавшийся от алкоголя, а заодно и от табакокурения, вернулся домой. А баба Люба, как обещала, уехала к дочери в Иркутск.

Женя, поступив в финансово-экономический колледж, закончила отделение банковского дела и поступила в институт. Вскоре она вышла замуж за красавца банкира, у которого проходила практику. Когда свадебный кортеж богатых машин подъехал к подъезду, изумлению соседок не было предела. Кое-кто, покачивая головой, говорил: «Да, не родись красивой, а родись счастливой», — на что другие твердили своё: «Стреляй в сороку или ворону — в ясного сокола попадёшь».